

Себага Ашикян

ГДЕ ВОЛКИ НОСЯТ МАСКИ

Севада Асликян

Где волки носят маски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72574504

SelfPub; 2025

Аннотация

После дела о похищенных детях детектив Саливан надеялся на покой, но новый кошмар охватил королевство. В глухой забытой деревне он встретил девушку по имени Моралин – единственную выжившую после трагедии. Вскоре начались чудовищные убийства: в ночи появлялись фигуры в звериных масках, люди шептались о красных глазах и демоне, что карает тех, кто не ценит жизнь.

Город погрузился в панику. Король потребовал от Саливана расследовать происходящее, но чем глубже он искал истину, тем сильнее рушилась его вера в себя и в мир. Ужас приходил не только извне – в его голове рождались голоса и сомнения. Рядом оставалась лишь Моралин, чьё присутствие казалось одновременно и спасением, и проклятием.

«Где волки носят маски» – это мрачный хоррор о страхе, вине и тонкой грани между жизнью и смертью, где каждый шаг героя ведёт его ближе к разгадке... и к собственной бездне.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Она осталась со мной	10
Глава 2. Тени, что живут дольше нас	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Севада Асликян

Где волки носят маски

Пролог

В доме пахло старым деревом и вином. Сумерки уже сгустились над деревней, и в этой тишине слышался лишь скрип верёвки. Томас, сломленный временем мужчина, стоял на шатком стуле. В его глазах мутно отражалась усталость и бесконечная тоска. Руки дрожали, узлы не слушались, но он всё равно продолжал, будто только эта петля могла принести облегчение.

Перед внутренним взором вновь и вновь вставали картины прошлого: лицо жены, бледное от чумы, холодные губы сына – ещё совсем мальчика. Они ушли, а он остался, как ненужный остаток, как обломок, выброшенный бурей.

«Зачем жить, если дом пуст?» – думал он, сжимая верёвку.

Дверь вдруг распахнулась с резким треском.

– Отец! – крикнула Моралин. Голос молодой женщины, надломленный отчаянием, ударил по его спине сильнее, чем ветер.

Она бросилась к нему, сбив стул, сорвала верёвку с его

шей.

– Ты что делаешь? – её глаза горели слезами. – Я потеряла мать, брата... а теперь и ты хочешь уйти? Ты оставишь меня одну, как будто я уже мертва для тебя?

Томас, краснолицый от вина, пошатнулся, с трудом удерживаясь на ногах. Его губы исказила кривая усмешка.

– Не дают даже умереть спокойно... – пробормотал он, резко толкнув дочь. Та отшатнулась, ударившись плечом о стену.

Не оборачиваясь, он захромал к двери, спотыкаясь о собственную тень, и вскоре тяжёлые шаги растворились во дворе.

Моралин осталась в пустой комнате. Её дыхание сбивалось, пальцы дрожали, словно она сама стояла под петлёй. Слезы прорвались наружу. Она закрыла дверь, задвинула засов и, как делала это каждую ночь, рухнула на постель.

– Зачем... зачем эта жизнь?.. – шептала она в темноте, сжимая в руках одеяло. – Всех забрали, всё унесли... и теперь он тоже уходит. Лучше бы чума забрала и меня...

Дом снова утонул в тишине. Лишь за окном ветер шептал в ветвях, будто подслушивал её муки. Ночь накрыла деревню медленно и неумолимо, как чёрное покрывало.

Луна пряталась за тяжёлыми тучами, и только багровый отсвет пожаров где-то далеко дрожал на горизонте, словно само небо пылало.

Томас шатался по двору с бутылкой в руке. Его тени вы-

тягивались на земле – длинные, уродливые, казалось, сама тьма хотела распять его. Он остановился, привалившись к изгороди, и вдруг услышал... дыхание. Хриплое, низкое.

– Кто там?.. – голос сорвался, и он немного отступил назад.

Из мрака выступила фигура. Женщина с тяжёлым шагом. На лице – звериная маска волка, в глазницах которой тлел кровавый свет. Длинные рыжие волосы падали на плечи, спутанные, будто обожжённые пламенем. Её одежда была словно соткана из древнего ужаса: кожа, кости, вплетённые амулеты, металл, переживший века.

Она не спешила.

– Уйди... – Томас поднял руки, как ребёнок, – прошу... оставь.

Но женщина в маске не знала милости. Она наклонила голову, и тёплый пар её дыхания сорвался из щелей маски, будто волк собирался зарычать. В тот миг Томас ощутил – всё внутри оборвалось. Он хотел броситься прочь, но тьма сковала ноги.

Её рука метнулась с нечеловеческой быстротой. Металл когтей вспорол ему горло, и красная полоса брызнула на землю. Томас захрипел, уронив бутылку. Она разбилась, стекло звякнуло – и с этим звоном жизнь вытекла из него.

Моралин проснулась от крика. Вздогнула. Сердце стучало в висках, словно кто-то бил в барабан. Она бросилась к двери, распахнула её – и застыла.

В лунном отблеске она увидела отца, распростёртого на земле. Его глаза остекленели, губы безмолвно открыты. А рядом – силуэт женщины в волчьей маске, глаза которой пылали огнём. Красные отблески отражались в крови.

Моралин не смогла закричать. Тело само отпрянуло назад, ноги понесли её, будто принадлежали не ей. В панике она рванула в дом, вниз по лестнице, в тёмный сырой подвал. За спиной раздавался гулкий, увесистый шаг.

Подвал встретил её тяжёлым дыханием сырости. Она вбежала туда, захлопнула дверь и прижалась к холодной кладке. Тишина была такой глухой, что слышался каждый удар её сердца.

Закрыв глаза, Моралин пыталась вдохнуть глубже. «Это просто сон... просто кошмар... проснусь, и всё исчезнет». Но когда веки дрогнули, ей почудилось движение. В кирпичной кладке прямо напротив неё что-то шевельнулось – нечто чёрное, будто сама тень попыталась высунуться наружу.

Моралин судорожно моргнула и шагнула назад. Стена снова была обычной, влажной. Но вот с другой стороны промелькнул силуэт – длинный, волчий. В подвале не было ни окон, ни света, и всё же тени жили своей жизнью. Они ползли по камню, вытягивались, изгибались, словно пытались дотянуться до неё.

Она стиснула зубы, стараясь не закричать.

– Уйди... пожалуйста... уйди... – едва слышно произнесла она в пустоту.

Ответом стал шёпот, который нельзя было различить, но он проникал прямо в голову. Будто десятки голосов говорили одновременно – и все они смеялись. С потолка сорвалась капля воды, и когда она ударилась об пол, Моралин вздрогнула: в тишине звук прозвучал, как падение ножа.

И тогда – шаги. Медленные. Они не могли быть настоящими – слишком глубокие, слишком тяжёлые, с резонансом, отзывавшимся в стенах, словно в гробу.

Моралин рванула к дальнему углу и спряталась за старым шкафом. Она прижалась щекой к сырому камню и попыталась заткнуть рот ладонью.

И тут дверь в подвал закрипела. Очень медленно, мучительно. Сквозь щель проникла полоска багрового света – будто там, наверху, разливалось пламя.

Тени по стенам ожили. Они вытянулись, обретая формы: чёрные пасти, разинутые в молчаливом рёве; руки, протянувшиеся к ней сквозь камень.

И тут она увидела её.

Фигура женщины в маске волка спустилась по ступеням, и каждый её шаг отзывался эхом. Красные глаза горели, отражаясь во влажных стенах, казалось, весь подвал охватил огонь. Её силуэт расплывался в дымке, будто реальность не могла удержать её облик.

Моралин зажмурилась, но это не помогло: даже сквозь закрытые веки она чувствовала, что та стоит совсем близко. Шёпот множества голосов заполнил пространство.

– Ты хотела знать, зачем жить... – прозвучал один из них. – Теперь узнаешь, зачем умирают.

Холодные пальцы коснулись плеча Моралин. Она дёрнулась, открыла глаза – и оказалась лицом к лицу с волчьей маской. Красный свет залил всё поле зрения. Она не успела закричать.

Подвал захлебнулся тьмой.

И больше – ничего.

Глава 1. Она осталась со мной

– Детектив Саливан, – голос стражника звучал приглушённо, словно в горле застряла каменная пыль. – Девушка никому не открывает. Заперлась внутри, как в крепости. Говорят, она единственная дочь покойного. С рассвета никого не выпускает.

Саливан поднял воротник длинного плаща, защищаясь от пронизывающего ветра. Ему тридцать пять, но в глазах уже жила усталость, свойственная тем, кто видел слишком многое. Тёмные волосы зачёсаны назад, на лице – лёгкая небридность, будто он никогда не успевает до конца побриться, а карие глаза смотрят на мир с недоверием. Он не носил знаков власти, не кичился должностью, но в каждом его движении ощущалась твёрдость человека, привыкшего смотреть в лицо смерти и оставаться стоять там, где другие падали.

– Девушка в ужасе, говоришь? – Саливан шагал неторопливо. – От чего же умер её отец?

Шестеро стражников переглянулись. Их лица, обветренные и суровые, казались застывшими масками, но в глазах сквозила неуверенность. Наконец, один из них, седой, сказал тихо:

– Мы... не знаем, детектив. Одни говорят – зверь. Другие – что сам чёрт пришёл за ним. Утром нашли его бездыхан-

ным во дворе. Никто не видел, никто не слышал. Лишь крики, что разносились ночью, да кровь на земле.

Саливан хмыкнул.

– Зверь... или чёрт. Когда люди не знают ответа, они всегда выбирают самое страшное.

Он поправил кожаную перчатку на руке и двинулся вперёд по узкой дороге, ведущей к окраине деревни. Дорога вилась меж серых домов, из окон которых выглядывали лица – бледные, испуганные.

С каждым шагом воздух становился тяжелее. Холод пробирал до костей, и даже стражники, привыкшие к крови и войне, старались держаться ближе друг к другу.

Наконец они вышли на небольшую площадь перед домом. Там уже собралось множество народа: женщины, прижавшие к себе детей, старики, крестящиеся всякий раз, когда взгляд падал на двор, молодые мужчины с вилами и топорами в руках.

А в центре всего этого, за низким деревянным забором, лежал труп Томаса.

Саливан остановился и посмотрел на мёртвого.

И в этот миг ветер налетел со стороны леса, принеся с собой тяжёлый, сладковато-гнилостный запах – тот, что остаётся, когда в доме слишком долго лежит смерть.

Саливан медленно выдохнул.

– Ну что ж... посмотрим, кто из вас прав.

Он медленно опустился на одно колено возле тела.

Вокруг воцарилась тишина, даже шёпот толпы стих. Он провёл взглядом по изуродованной шее Томаса, по глубоким разрезам, напоминающим звериные. Пальцы в перчатке скользнули по запёкшейся крови – и тут он заметил странное: раны были слишком ровными для когтей, слишком точными.

Саливан выпрямился, вытер перчатку о плащ.

– Она там? – бросил он коротко ближайшему стражнику.

Тот кивнул.

– Да, детектив. С тех пор не выходила. Только плач да крики.

Саливан кивнул и, не оборачиваясь к толпе, направился к двери. Остановился перед тяжёлой дубовой створкой, поднял руку и постучал.

Тишина. Только ветер шевельнул крышу, и в щелях забормотал сквозняк.

Он постучал снова – чуть сильнее, но всё так же спокойно.

Минуты тянулись, пока изнутри не донёсся приглушённый, дрожащий голос:

– Уходи...

Испуганный, надломленный.

Саливан на миг прикрыл глаза, набрал в голос уверенности, но сделал его мягким:

– Я не за тем пришёл, чтобы тревожить тебя. Я хочу помочь. Найти того, кто это сделал. Найти убийцу.

Внутри – тишина.

Саливан нахмурился, стараясь сохранить ровный тон, спросил:

– Как тебя зовут?

Долгая пауза. Затем тихо, почти шёпотом, будто боясь са-
мого имени:

– Моралин.

Саливан продолжил:

– Моралин, тебе не нужно оставаться здесь одной. Поз-
воль нам забрать тебя отсюда. Открой дверь.

Внутри раздался звук шагов – нерешительных, скользя-
щих. Будто девушка подбиралась к двери с величайшим уси-
лием. Но замок так и не щёлкнул. Голос снова прозвучал:

– Я не могу... тут слишком много глаз. Все смотрят... все
ждут. Я не хочу оставаться здесь, не хочу их видеть! Хочу
уйти отсюда. Из этого дома. Из этой проклятой деревни...

Саливан кивнул, будто она могла видеть его сквозь двери.

– Хорошо. Я понимаю, – сказал он и обернулся к стражни-
кам. – Очистите двор. Уберите людей. Никого здесь не долж-
но быть. И приведите лошадей.

Те переглянулись, но подчинились. Толпа зашевелилась,
недовольные шёпоты прокатились волной, однако под при-
целом холодной стали люди начали расходиться. Вскоре
двор опустел, лишь гулкий стук копыт раздавался, когда
стражники подвели лошадей к дому.

Саливан снова повернулся к двери.

– Теперь всё готово. Никого больше нет. Мы уедем, и ты

не останешься одна.

На этот раз тишина длилась дольше, чем прежде. Затем раздался скрежет замка. Дверь медленно, со скрипом, открылась внутрь.

И на пороге появилась Моралин.

Саливан снял с плеч плотный плащ. Материя тёмная, тяжёлая, пропитанная запахом дороги и ночных костров. Он протянул его девушке.

– Накинь, – сказал он тихо. – Здесь холодно.

Моралин стояла на пороге. Она не слышала слов – или не хотела слышать. Взгляд был прикован к телу отца. Томас лежал во дворе, и в её глазах отражался такой ужас, что казалось, время для неё остановилось.

– Ты что-нибудь ела? – спросил Саливан мягко, наклоняясь чуть ближе.

Она не ответила. Даже не моргнула. Её глаза – пустые, стеклянные – не отрывались от мёртвого.

Саливан понял всё в тот миг. Быстро развернул плащ и накинул его на её плечи, мягко подтолкнув рукой вперёд, к лошади.

– Пойдём, – сказал спокойно.

Стражники сразу подхватили действия. Один держал поводья, другой помог Саливану поднять Моралин в седло. Она села словно деревянная – ни слова, ни движения.

– Тело, – бросил Саливан коротко. – С должными почестями. Никаких пересудов. Никто из деревни не тронет его.

Поняли?

Стражники кивнули, уже подготавливая носилки.

Саливан вскочил на коня и сел рядом с девушкой. Взяв поводья, повёл лошадь вперёд, выезжая на главную улицу деревни.

Толпа всё ещё оставалась неподалёку от дома. Люди стояли молча, не приближаясь, но их глаза – десятки глаз – следили за Моралин. Пристально. Девушка сидела неподвижно, лишь голова поворачивалась то влево, то вправо. Она смотрела на людей и не отводила взгляда.

Саливан заметил, как её плечи напряглись, как пальцы судорожно сжали край плаща. Он понял: здесь ей хуже, чем где бы то ни было. И, не говоря ни слова, коснулся пятками бока коня, заставляя его идти быстрее.

– Держись, – сказал он тихо.

Деревня осталась позади. Каменные дома сменились пустыми полями, лесом, дорогой. Ветер бил по лицу свежестью, унося запах смерти и чужих глаз. Впереди лежал путь к столице Альдарона – Лавандеру.

Дорога уходила в серые поля. Ветер шуршал в сухой траве, редкие птицы крикливо перебегали с ветки на ветку, и вся процессия двигалась молча. Уже несколько часов никто не произнёс ни слова. Лишь стук копыт и тяжёлое дыхание лошадей сопровождали путь.

Моралин сидела неподвижно. Под плащом, подаренным Саливаном, она выглядела хрупкой, почти безжизненной

фигурой. Её глаза смотрели в пустоту, и дорога казалась лишь чередой серых теней.

Саливан не торопил разговор. Он умел ждать. Но в конце концов нарушил тишину спокойным, тихим голосом:

– Ты видела того, кто это сделал?

Она не ответила. Лишь ветер, пронёсшись по полю, словно сам шептал вместо неё «нет».

Саливан повторил, чуть твёрже:

– Моралин. Ты видела?

Тишина растянулась. И вдруг слабый, еле слышный ответ сорвался с её губ:

– Да.

Он кивнул, не показывая удивления. Его голос остался таким же ровным, но теперь в нём прозвучала осторожность – как у охотника, приближающегося к зверю, чтобы не спугнуть:

– Почему же... почему она убила твоего отца?

Моралин чуть наклонила голову, губы её дрогнули. Она едва слышно произнесла:

– Из-за амулета.

– Амулета? Какого амулета?

Но Моралин снова замолчала.

Саливан не давил, голос стал почти шёпотом:

– Скажи мне, это важно.

Девушка прижала руку к груди.

– После того, как она... – слова давались с усилием, – уби-

ла его... она пошла за мной.

Саливан вскинул бровь.

– Как она выглядела?

Моралин подняла глаза к небу, словно искала там силу, и тихо сказала:

– Лицо... волка. С красными глазами.

Он на мгновение задумался, переваривая сказанное. Но снова вернулся к главному:

– А амулет?

Моралин судорожно сглотнула.

– Я спряталась. Она... нашла меня. Просто потянула руку... и взяла его у меня с шеи.

Саливан смотрел внимательно.

– Что это был за амулет?

– Маленький, – ответила она едва слышно. – Красный амулет.

Детектив замолчал, обдумывая каждое слово. В голове сразу вспыхнули десятки вопросов, но он выбрал лишь один:

– Ты уверена, что отец ничего не скрывал от тебя?

Моралин чуть заметно качнула головой.

– Нет... ничего.

И снова замолчала. Казалось, слова иссякли.

Вечер подкрался незаметно. Солнце катилось вниз, окрашивая небо в багровые и свинцовые тона. Лес вокруг словно стянулся кольцом, и дорога превратилась в узкую тропу, ведущую в самое сердце ночи.

Саливан приказал свернуть на небольшую поляну, где сухая трава ещё держала остатки тепла. Стражники быстро развели костёр. Пламя дрожало, отбрасывая длинные тени, и всё вокруг наполнилось запахом дыма и свежесрубленных ветвей.

Они ели молча. Саливан не притрагивался к еде – всё внимание было приковано к Моралин. Девушка стояла чуть в стороне. Её лицо в отсветах костра казалось бледным и застывшим, глаза смотрели куда-то мимо, вглубь леса.

Саливан думал: пусть ночь пройдёт, пусть сон вернёт ей силы – и, возможно, она скажет больше.

Он подошёл ближе и тихо, почти мягко произнёс:

– Тебе стоит отдохнуть. Утро принесёт новые силы.

Моралин едва повернула голову. Голос дрогнул, но оставался твёрдым:

– Я не буду спать. Если закрою глаза – чудовище вернётся за мной.

Саливан посмотрел на неё внимательно.

– Тогда сделаем так. Спи в моей палатке. Я сам буду на страже. Лично. Ты будешь в безопасности.

Девушка смотрела на него долго, словно проверяя слова на прочность. В конце концов медленно кивнула, будто боялась согласиться.

Шаги к палатке давались ей тяжело, каждое движение отнимало силы. Она вошла внутрь, опустилась на подстилку и, не раздеваясь, легла боком, закрывшись плащом.

Саливан остался снаружи. Его силуэт стоял прямо в свете костра, и даже в неподвижности чувствовалась собранность. Рядом расположился стражник, держась за оружие. Остальные отдыхали чуть поодаль.

Первая часть ночи тянулась спокойно. Костёр трещал, выплёвывая искры в тёмное небо, и на какое-то время казалось, что весь мир сузился до круга света, где сидели Саливан и его караульный.

Молодой стражник Гарен с усталым лицом негромко спросил:

– Ты ведь редко говоришь о себе, детектив. Но скажи, есть ли кто-то, кто ждёт тебя дома?

Саливан долго молчал, вглядываясь в огонь. Наконец, немного теплее, чем обычно, произнёс:

– Собака. Я оставил его дома. Он смотрел так, будто я больше не вернусь. Но я... обещал.

Гарен улыбнулся – устало, но искренне.

– Хоть кто-то ждёт тебя. А у меня – никого. Одно и то же каждый день. Словно и не живу вовсе.

Детектив бросил на подчинённого взгляд и едва заметно улыбнулся в ответ. Грустная тень пробежала по лицу сыщика. Внутри, в тех уголках души, о которых он не говорил, что-то болезненно кольнуло. Глаза на миг потемнели, и далёкая память терзала его снова и снова.

Тишину разорвал резкий хруст ветвей.

Оба вздрогнули. Саливан поднял голову, но тут же отмах-

нулся:

– Ветер.

Но звук повторился. Сначала один раз, потом второй. И снова – только с другой стороны. Казалось, кто-то медленно обходил лагерь.

Гарен напрягся. Сыщик поднялся. Ладонь сама собой легла на рукоять шпаги. Ветер не мог ломать ветви так сильно – слишком тяжёлым был звук.

Шорох усиливался. Теперь он доносился то с одной, то с другой стороны леса. Казалось, деревья ожили, их кроны трещали и скрипели под невидимым бременем.

Саливан тихо, почти не шевеля губами, сказал караульному:

– Разбуди остальных. Быстро. Но тихо.

Тот кивнул и исчез в темноте, склонившись почти к земле, чтобы не привлекать внимания.

Саливан шагнул к палатке. Осторожно откинул полог и заглянул внутрь.

Моралин спала. Лицо её было спокойно, почти безмятежно, будто она наконец обрела покой. Он задержал взгляд на мгновение – и решил не тревожить.

Закрыв полог обратно и развернулся к лесу.

И тогда он увидел их.

Между стволами, там, где костёр едва доставал своим светом, замерли два огненных, ярко-красных глаза. Они горели в темноте, как угли в золе, и не двигались. Смотрели прямо

на него.

Саливан крепче сжал рукоять шпаги. Лезвие слегка дрогнуло в свете костра, и он шаг за шагом двинулся вперёд, прямо на эти горящие глаза. Они не отводили взгляда, пока он приближался, и вдруг – словно в насмешку – просто исчезли, растворившись в лесной тьме, будто их и не было вовсе.

Это насторожило его ещё сильнее. Тишина давила. И чем больше он всматривался, тем отчётливее проявлялись неясные силуэты между деревьями: вытянутые фигуры, то ли человеческие, то ли звериные, которые двигались и таяли, едва он пытался сосредоточиться.

«Может, усталость? Может, ночь играет с разумом?» – мелькнула мысль. Но холод в спине говорил: «Нет, здесь что-то иное».

Саливан ждал: стражники должны были уже вернуться. Но тьма оставалась безответной. Он понимал: если промедлить, может быть поздно. А бросать лагерь – значит оставить Моралин без защиты.

Выбора нет.

Он набрал воздух и крикнул:

– Вставайте!

Ответа не последовало. Он повторил, громче:

– Вставайте, немедленно!

И тут из палатки вырвалась Моралин. Девушка вся дрожала, глаза широко раскрыты, будто бежала прямо из кошмара в реальность. Она бросилась к Саливану, и он, не теряя

ни мгновения, заслонила её собой, выставив шпагу в сторону леса.

В этот миг вспыхнули факелы. Несколько стражников, проснувшись, наконец подоспели. Пламя озарило лагерь, разгоняя тьму и отбрасывая тени в сторону. На миг всё вокруг отступило.

И тогда прорезал ночь крик. Пронзительный, полный ужаса, словно душу вырвали из груди.

– Что там?! – закричал Саливан, не покидая Моралин.

– Гарен! – донёсся голос одного из караульных, срывающийся на отчаяние. – Гарена убили!

Моралин в ужасе прижалась к нему, хватаясь за его плащ как за единственное спасение. Детектив застыл, шпага дрожала в его руке. Внутри всё смешалось – холодный расчёт, ярость и недоумение.

Саливан осторожно отстранил Моралин, стараясь, чтобы в его движениях было больше уверенности, чем сомнения.

– Всё хорошо, – произнёс спокойно, почти холодно. Но её дыхание всё равно сбивалось, руки дрожали.

Он направился к тому месту, откуда донёсся крик. Девушка не отставала ни на шаг. Она почти прижималась к его плечу, двигаясь следом, словно невидимый инстинкт тянул её к нему. Каждый шаг она делала точно в след, взгляд не отрывался от его спины.

И вот они подошли.

Гарен лежал на земле, и факелы освещали его мёртвое

лицо. Саливан присел рядом, наклонился и внимательно осмотрел тело. На груди и животе зияли резанные раны. Острые, глубокие, как от ножа или меча. Он коснулся ткани у прорезей: края рваные, но форма слишком точная. Это было человеческое оружие.

Саливан поднял взгляд на стражников.

– Никто ничего не слышал?

Молчание. Лица напряжённые, бледные, глаза избегают его. Что бы это ни было, оно не позволило Гарену добудиться остальных. Казалось, сама тьма встала на его пути.

В этот миг Саливан почувствовал, как чья-то рука вцепилась в его ладонь. Сжала пальцы крепко, до боли. Посмотрел вниз – рука Моралин. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, не мигая, словно хотела убедиться, что он не исчезнет.

Саливан не отдернул руку. Лишь твёрже сжал шпагу в другой.

– Никто не спит этой ночью, – произнёс он низким голосом. – Мы упакуем тело и возьмём с собой. В столице будет ясно, что с ним делать.

Подчинённые молча кивнули. Одни принялись сооружать носилки, другие развязывали тюки, чтобы накрыть тело плащами. Всё делалось быстро, без разговоров.

Так продолжалось до тех пор, пока над лесом не появилась первая бледная полоска рассвета. Когда солнце окрасило верхушки деревьев, всё было собрано. Гарена накрыли

тканью и закрепили на носилках между лошадьми.

Саливан с каменным лицом бросил последний взгляд на лагерь, где ещё недавно горел костёр.

– В путь, – сказал сухо, без тени эмоций.

Отряд двинулся дальше. Дорога тянулась серым полотном, колыхаясь в утреннем тумане. Лошади шагали ровно, почти без звука, лишь изредка роняя короткое фырканье. Никто не говорил. Все ещё оставались потрясены ночными событиями.

Саливан ехал чуть впереди, мрачный, с опущенной головой. Его мысли блуждали – о Гарене, о том, что он видел ночью. Силуэты, глаза. Он слишком хорошо помнил их, но позволял себе думать о них только как о наваждении. Если начнёшь верить – уже проиграл.

И вдруг тишину пререзал слабый, хрупкий голос.

– Ты ведь тоже видел их... – Моралин говорила едва слышно, но в мёртвой тишине каждое её слово падало тяжёлым камнем. – Силуэты. И... глаза.

Стражники, усталые и измученные, подняли головы, глядя то на неё, то на Саливана.

Он вздрогнул, будто проснувшись от мыслей.

– Это лишь воображение ночи. Игра теней. Там был человек. Его мы не поймали.

Караульные переглянулись. Кто-то отвёл взгляд, кто-то, напротив, продолжал всматриваться в Саливана, ища подтверждения или хотя бы искру сомнения. Но он больше ни-

чего не добавил.

Моралин тоже не ответила. Опустив голову, она прятала глаза в тени плаща.

И все вновь замолчали, продолжая путь.

Вторая ночь.

На сей раз лагерь расположили иначе: палатки поставили ближе друг к другу, костёр развели в центре, и все держались кучнее. Никто не хотел, чтобы тьма снова разделила их, как прошлой ночью. Решили, что каждый час отдыхает только один, а остальные бодрствуют вместе, сидя у огня, со шпагами и копьями под рукой.

Саливан расположился чуть в стороне, пристально вглядываясь в языки пламени. К нему подошла Моралин. Её шаги были тихие, почти неслышные, и лишь когда она села рядом, он слегка повернул голову.

– Что будет завтра? – её голос звучал тихо, едва слышно.

– Завтра к полудню мы будем в столице. Там стены, стража, люди. Там ты будешь в безопасности.

Моралин нахмурилась, в глазах мелькнула тень —от его слов ей явно стало только хуже.

– Нет... там я не буду в безопасности, – она посмотрела на костёр, и пламя отразилось в её глазах красным светом. – Она... оно... преследует меня. Оно идёт за мной.

Саливан наклонил голову, всматриваясь в её лицо. Его голос стал жёстче, но оставался спокойным:

– У этого «монстра» тоже есть предел. Столица не пустит

его за стены.

Моралин медленно повернулась к нему.

– Ты веришь в стены? – спросила она так тихо, почти шёпотом. – А если стены – тоже лишь иллюзия?

К полудню дорога вывела их к высоким воротам Лавандера. Каменные башни возвышались над путниками, створы украшали гербы и кованые узоры. На солнце город казался живым существом: гул голосов, звон кузниц, крики торговцев, запах хлеба и дыма – всё сливалось в единый шум.

Когда ворота медленно распахнулись, отряд вошёл внутрь. Толпа расступалась перед стражниками. Горожане были заняты своими делами: женщины несли корзины с овощами, дети с криками бегали меж торговых рядов, ремесленники зазывали покупателей.

Моралин придвинулась ближе к Саливану. Её взгляд скользил по величественным зданиям, по лицам в толпе, по бесконечному движению на улицах. В этих глазах впервые мелькнул восторг.

Наконец они добрались до королевского замка. Громадные ворота из чёрного дуба возвышались над ними, и караул почтительно отступил в сторону, узнав Саливана.

– Ждите здесь, – твёрдо приказал он сопровождающим.

Моралин шагнула ближе, собираясь войти вместе с ним. В её взгляде горело отчаянное желание не отпускать его. Но он тихо добавил:

– Здесь ты в безопасности. Под стенами замка. Я скоро

вернусь.

Девушка сжала губы, но послушно осталась с остальными.

Саливан пересёк замковый двор. Камень под ногами отдавал гулким эхом, и всё в этом месте напоминало о силе и власти. Вскоре он вошёл в тронный зал.

На возвышении, под тяжёлыми сводами, сидел король Кадвей. Его взгляд был неподвижен и тяжёл, как сама власть.

Саливан склонил голову и коротко изложил всё: смерть Томаса, ночные тени, гибель Гарена, дорогу до столицы.

Король слушал внимательно, но его лицо оставалось неподвижным – ни удивления, ни сомнения. Когда рассказ закончился, он откинулся на спинку трона и произнёс твёрдо:

– Этим займётся другой. Твои руки нужны мне здесь.

Саливан приподнял бровь.

– Другой?

– Да, – Кадвей чуть наклонился вперёд. – В столице ходят слухи о некой организации. Тайной. Если это правда, она может быть куда опаснее одной деревенской трагедии. Ты должен выйти на их след.

Саливан молчал, обдумывая услышанное.

– А девушка? – наконец спросил он. – Что будет с ней?

Король не колебался ни секунды:

– Она взрослая женщина. Сама о себе позаботится.

Слова прозвучали холодно, с той уверенностью, что не допускает возражений.

Саливан вышел из зала и вернулся к тому месту, где оста-

вил Моралин. Девушка сидела на скамье у стены, окружённая стражниками, но выглядела так, словно находилась одна посреди чужого, огромного города.

Детектив остановился на миг, глядя на неё. В груди кольнуло – может, жалость, а может, ответственность. Но доли было выше.

Сделав шаг ближе, он сказал:

– Сейчас я найду для тебя дом. Уютный, в надёжном квартале. Заплачу за три месяца вперёд. Этого хватит, чтобы ты встала на ноги.

Моралин подняла на него глаза. В её взгляде отразился ужас.

– Не бросай меня... – её голос дрогнул, и в этой дрожи было что-то слишком живое. – Прошу тебя, Саливан. Если ты уйдёшь, всё вернётся. Оно придёт за мной. Я не выдержу... я не смогу одна.

Слова звучали трогательно, почти по-детски беззащитно. Она говорила искренне, цепляясь за него как за единственное, что удерживает её от бездны.

Детектив выдохнул и отвёл взгляд.

– У меня нет выбора.

И он сделал так, как сказал. Нашёл дом в тихом квартале неподалёку от рынка. Маленький, скромный, но крепкий. Заплатил хозяину за три месяца вперёд, оставив золотые монеты на столе.

– Здесь ты будешь в безопасности, – сказал он, глядя на

Моралин.

Она стояла у двери, и слёзы катились по её щекам. Плечи дрожали, в каждом её вдохе звучало безмолвное обвинение.

Саливан задержался лишь на секунду, не дольше. Развернулся и ушёл.

Вечером он вернулся домой. В доме было тихо, как всегда, но едва он открыл дверь – навстречу выскочил его пёс – крепкий и преданный Райан. Пёс замахал хвостом так, что весь коридор ожил, и тут же ткнулся мокрым носом в руку хозяина, облизывая её жадно, будто хотел стереть с него всю усталость дороги и боль прошедших дней.

Саливан провёл ладонью по мягкой шерсти.

– Да, дружище... – его голос впервые за день прозвучал теплее. – Я тоже скучал.

Некоторое время он сидел в темноте, слушая ровное дыхание пса, и только потом прошёл в кабинет. Разжёг свечу, сел за стол. Достал сигару, прикурил и выпустил первый густой дым. С каждой затяжкой тишина становилась тяжелее.

Он думал о Моралин. О том, как она смотрела на него и плакала. В её глазах явственно отражались страх и беспомощность. Думал и о себе – о том, что его собственные демоны никуда не исчезли.

Когда сигара догорела почти до конца, он затушил её и поднялся. Раздевшись, лёг в постель. Долго ворочался, но в конце концов усталость взяла своё.

И во сне к нему пришла женщина.

Ей было лет сорок – сорок пять. Лицо бледное, глаза блеснули от слёз. Она стояла перед ним, и Саливан сразу узнал её.

– Мериэн?.. – его голос был хриплым, будто чужим.

Она смотрела прямо на него, и слёзы текли по её щекам.

– Ты не спас моих детей, – голос дрожал. – Ты не спас их.

Ты не спас меня.

Саливан шагнул к ней; руки его дрожали.

– Я пытался... – слова застревали в горле. – Я клянусь, я делал всё, что мог. Я пытался спасти их... изо всех сил... Я... я пытался...

Но ком в горле поднимался выше и выше, не давая вымолвить больше.

Мериэн молчала. Смотрела на него, и в её взгляде было только одно – разочарование.

Саливан закричал, но крик застрял внутри. И в этот миг он проснулся.

В холодном поту, хватая ртом воздух, будто тонущий. В комнате царила тишина, только Райан тихо скребся в дверь, словно чувствовал его муки.

Утро встретило Саливана хмурым небом. Он долго не мог стряхнуть остатки сна – холод всё ещё лип к коже, но он поднялся решительно. Райан тёрся о его ноги, словно подталкивал к выходу.

Саливан быстро шёл по улицам Лавандера, не слыша привычного утреннего шума города. И вскоре остановился у

двери того самого дома, который накануне снял для Моралин.

Он постучал.

Дверь приоткрылась медленно, и на пороге показалась она. Лицо бледное, глаза всё ещё полные тревоги. Но при виде его в них блеснул свет.

– Живи пока у меня. Так будет лучше, – сказал Саливан.

Сначала лицо девушки застыло, будто она не поверила. Потом слёзы выступили на глазах, и губы дрогнули в улыбке.

– Спасибо...

И эта улыбка, сквозь слёзы, выглядела так, словно она впервые за долгое время почувствовала надежду.

Детектив сделал шаг в сторону, пропуская её.

Моралин, прикрывая лицо ладонью, сдерживала всхлипы, но всё же шла рядом.

И так они вместе вернулись в его дом.

Глава 2. Тени, что живут дольше нас

Ночь опустилась на Лавандер, и город дышал тишиной. Где-то далеко звучали звонкие голоса из таверн, редкие шаги патруля гулко отдавались в переулках, но у северных ворот, у самой стены, царила почти безмятежность.

Два стражника, кутаясь в плащи, стояли возле факела. Пламя дрожало на ветру, и тени казались длиннее самих людей.

– Скука, – пробормотал один, высокий и крепкий, постукивая сапогом по камню. – Вся жизнь моя превратилась в скуку. Жена пилит, дети ноют, каждый день одно и то же. Иногда думаю, что лучше бы и не женился вовсе.

Его напарник, более молодой, усмехнулся и покачал головой.

– Ты жалуешься на то, что имеешь. А ведь многие отдали бы всё, лишь бы сидеть у домашнего очага.

– Да какой там очаг! – раздражённо отмахнулся первый. – Одни крики и заботы. Лишь служба держит меня живым. А так... пустота. Одно и то же каждый день.

Он говорил это устало, даже с какой-то горечью, словно слова сами вырвались и зазвенели в холодном воздухе.

Напарник хотел возразить, но вдруг снаружи раздался крик.

Женский. Пронзительный, отчаянный, от которого кровь стыла в жилах.

– Помогите! – доносилось из-за ворот. – Прошу, помогите!

Оба стражника вздрогнули и переглянулись. Эхо, разнесённое темнотой за пределами города, делало крик ещё страшнее.

Огонь факела дрогнул, словно отозвавшись на зов.

– Эй! – крикнул один из караульных, задрав голову к бойнице. – Видишь что-нибудь? Там женщина кричит!

Сверху донёсся голос дежурного, грубый и тревожный:

– Темно! Ни черта не видно!

И снова – пронзительный крик. На этот раз он был ближе, будто сама ночь сжалась вокруг.

– Помогите! Прошу! Они хотят меня убить!

Стражники переглянулись. Нервы были на пределе, но служба не позволяла медлить. Они схватили факелы, извлекли мечи из ножен. Тяжёлые створы ворот со скрипом распахнулись, выпуская их в мрак.

Снаружи было пусто. Лишь поле, залитое тусклым светом луны, и чёрные силуэты деревьев на горизонте. Тишина.

– Где ты?! – крикнул один, приподняв факел выше.

Ответом прозвучал тот же голос, только теперь будто сбоку:

– Помогите! Прошу вас! Здесь!

И тут – быстрый топот. Лёгкий, стремительный, словно кто-то убегал по камням.

Стражники без колебаний двинулись вперёд, направляя факелы в темноту. Один из них обернулся и крикнул вверх.

– Позови помощь! Быстро! Мы идём за ней!

Они шагнули в ночь, туда, где звала чужая, надрывная мольба.

Стражники бежали, спотыкаясь в темноте, тяжело хватая ртом ночной воздух. Факелы трепетали, разбрасывая рыжие блики по мокрой траве, словно языки пламени сами боялись высунуться за пределы дороги.

– Быстрее! – выкрикнул один. – Она где-то рядом!

Крик женщины рвался из тьмы, теперь совсем близко:

– Помогите! Прошу вас!

Они почти достигли края леса. Деревья стояли, как мрачные великаны, ветви тянулись к земле, заслоняя луну. Всё вокруг дышало чужим холодом, и даже ветер стих, казалось, лес ждёт их.

Один из стражников шагнул вперёд, поднял факел – и пламя дрогнуло. На мгновение показалась фигура женщины: силуэт в лохмотьях, волосы, слипшиеся от грязи, руки, протянутые к ним. Но в следующий миг тень дрогнула и исчезла.

– Я её видел! – крикнул он. – Там, дальше!

Они рванулись вперёд, но вдруг крик сменился на нечто иное. Голос, всё ещё женский, но уже искажённый, словно

доносился из глубины пещеры:

– Помогите... помогите мне...

Факелы осветили прогалину. Там, между стволами, стояла она.

Высокая фигура в рваном платье, старом, как сама земля. Лицо скрывала маска волка, из глазниц которой вырывался багровый свет. Длинные рыжие волосы, спутанные, казалось, жили искрами огня. Она не двигалась, но воздух вокруг дрожал, словно пространство пыталось сбежать от её присутствия.

Стражники замерли. Один судорожно сжал рукоять меча.

– Святой боже...

И в тот миг она рванулась.

Она двигалась не так, как человек. Одним рывком сократила расстояние, будто ночь сама вынесла её вперёд. Факелы взвились, огонь на миг выхватил из темноты её когтистую руку. Лезвие, тёмное и острое, рассекло воздух и вонзилось в грудь одного из стражников.

Он даже не успел закричать. Лишь глаза расширились, рот приоткрылся – и тишина. Его тело беззвучно осело на землю.

Второй закричал, отступая:

– Беги! – выкрикнул он, хотя сам не знал, кому это сказал.

Он бросился к воротам, не оглядываясь. Факел выскользнул из рук и потух, оставив лес в крошечной тьме.

Позади раздался странный звук. Ни крик, ни рычание, ни шорох – а всё вместе, словно сама ночь издала голос. Он не

обернулся. Не мог.

Вскоре показались стены Лавандера. Он добежал до ворот, крича:

– Откройте! Откройте! Чудовище! Оно там!

Ворота распахнулись, и стражника втянули внутрь. Он задышался, слова сбивались, факелы вокруг освещали его бледное лицо и пустые глаза.

А снаружи, за его спиной, из лесной тьмы тихо вышла она.

Двигалась неторопливо, будто знала: никто не осмелится остановить её. Тени стен за воротами создавали тёмный фон, и в этом сумраке её присутствие осталось незамеченным.

Лавандер, переполненный жизнью, даже не подозревал, что в эту ночь вместе с одним из его стражников в город проникло и нечто иное.

Стук в дверь прозвучал резко, вырвав Саливана из сна. Он приподнялся, с трудом протёр глаза. Ночь была тяжёлой, и даже сны давили, как камни.

Дверь приоткрылась. На пороге стояла Моралин, кутаясь в плащ. Её голос дрожал, но она старалась говорить ровно:

– Саливан... стражники пришли. Они хотят видеть тебя.

Он сразу сел на кровати, натянул сапоги, накинул плащ. Одним движением поправил ремень с оружием. Прежде чем выйти, нагнулся и провёл рукой по голове Райана. Пёс тихо твякнул и ткнулся в ладонь, словно понимая состояние хозяина.

Саливан коротко выдохнул и направился к двери, где его

уже ждали трое стражников. Их лица были напряжены, плащи запятнаны после ночного обхода, а глаза красные от усталости.

Один из них, что постарше, бросил взгляд на Моралин, стоящую у лестницы. Потом, чуть помедлив, кивнул Саливану:

– Господин... лучше выйдем. Снаружи.

Саливан посмотрел на Моралин. Девушка не произнесла ни слова, но её глаза цепко следили за каждым движением. Он коротко кивнул ей, давая понять, что всё под контролем, и шагнул за стражниками на улицу.

Ночь ещё не ушла окончательно: в воздухе висел холод, и фонари едва пробивали серый туман.

Стражники собрались тесным кругом. Старший заговорил хриплым голосом:

– Минувшей ночью за стенами... погиб один из наших. Мы слышали крики женщины, пошли помочь, но... нашли лишь смерть. Второй стражник выжил, но клянётся, что видел... нечто. Красные глаза. Тень.

Он осёкся, потом добавил:

– Король уже знает. Он считает, что это может быть связано с той самой организацией, о которой ходят слухи. Говорит, что теперь это дело твоё.

Детектив нахмурился, задержав взгляд в тумане, словно там ещё блуждали те самые глаза.

Организация? Нет. Это было иное. Но мысль, что теперь

ответственность ложится на него, принесла странное чувство облегчения.

– Понятно, – коротко произнёс он, сжимая пальцы в кулак.

Вернувшись в дом, мужчина плотно прикрыл дверь, и тишина снова наполнила комнату. Райан поднял голову, но, почувствовав напряжение хозяина, улёгся обратно.

Саливан зажёг свечу и достал сигару. Огонёк вспыхнул в пальцах, комната наполнилась густым, горьковатым дымом. Он сел за стол, уставился в пламя свечи и затянулся. В его взгляде была напряжённая тишина охотника, который знает: зверь уже близко, но где именно – ещё не ясно.

Тихие шаги – и рядом опустилась Моралин. Она села почти неслышно, будто боялась нарушить ход его мыслей. Несколько секунд молчала, только глаза – большие, влажные – уставились в него.

– Что случилось? – её голос был мягким, но в нём дрожал испуг.

Саливан не сразу ответил. Затянулся, выпустил облако дыма и лишь потом произнёс:

– Ещё один стражник мёртв. За стенами. Говорят – женщина звала на помощь, а когда пошли на зов, нашли лишь смерть. Король связывает это с той самой организацией.

Моралин слегка наклонила голову, и её волосы скользнули по плечу.

– А ты? – спросила она тихо. – Веришь, что это была ор-

ганизация?

Саливан усмехнулся криво, без радости.

– Нет. Это было нечто другое. Но людям проще верить в заговор, чем в то, что не имеет лица.

Девушка замолчала, обдумывая его слова. Потом её голос прозвучал мягче, теплее, почти заботливо:

– Даже когда другие не видят, ты видишь. Но разве это не проклятие?

Он резко посмотрел на неё.

– Проклятие?

– Ты несёшь всё это на себе, – продолжила она, глядя прямо в его глаза. – Все смерти. Всю вину. Даже ту, что не твоя. Ты не спасаешь всех, и это разрывает тебя. Но скажи, кто назначил тебя спасителем? Кто сказал, что именно ты обязан платить эту цену?

Саливан сжал зубы. В голове вспыхнул образ Мериэн и её слова: «Ты не спас моих детей». Он отвёл взгляд и снова затаился.

– Кто-то должен.

Моралин наклонилась ближе. В её голосе мелькнула странная смесь нежности и вызова:

– Но если ты живёшь только ради того, чтобы спасти других... значит ли это, что ты сам научился жить?

Слова повисли в воздухе. Саливан молчал. В груди сжималось что-то давно забытое, словно она вытаскивала наружу его собственные мысли, от которых он прятался.

– Скажи, Саливан, – прошептала она, – кто спасёт тебя?

Он резко встал, пытаясь стряхнуть эти слова, словно яд. Подошёл к окну и выпустил дым наружу. Но в отражении стекла он видел её лицо – печальное, искреннее, с лёгкой улыбкой сквозь слёзы.

И на миг ему показалось, что она действительно говорит правду.

Тело стражника лежало у подножия стены, накрытое плащом. Саливан присел на корточки и откинул ткань. Раны были грубые, резанные, будто в него вонзали клинок несколько раз подряд. Кровь успела почернеть, пропитав землю.

Он долго смотрел, глаза оставались неподвижными. Лишь внутри медленно нарастало ощущение – не просто утраты, но и пустоты.

Саливан поднял голову.

– Кто пришёл за ним?

Стражники переглянулись. Тишина. Наконец один из них, молодой, кашлянул и тихо сказал:

– Никто... У него есть жена и дети. Но никто не пришёл.

Саливан выпрямился, посмотрел на их лица. Ветер холодно трепал края его плаща.

– Значит, вот так он жил, – произнёс он глухо. – Так прожил жизнь, что даже смерть не собрала вокруг никого.

Эти слова зазвенели в воздухе, как холодное железо. И вдруг, в глубине сознания, мелькнула мысль – резкая, как удар: а если я умру, придёт ли кто-нибудь?

Образ Райана, ждущего дома. Образ женщины в слезах, обвиняющей его во сне. И пустота, которая может быть единственным свидетелем.

Мысль сжала сердце и исчезла, но оставила горечь.

Саливан двигался по месту убийства медленно, с привычной сосредоточенностью. Сапоги оставляли следы во влажной земле, а взгляд скользил по каждому клочку травы, по каждой царапине на камнях. Он останавливался, приседал, поднимал факел выше, всматриваясь в тьму леса.

Но земля молчала. Ни единого отпечатка, кроме следов самих стражников. Ни клочка ткани, ни капли крови, которая могла бы принадлежать убийце. Даже ночной воздух казался стерильным, будто само место стерло за собой следы.

Стража стояла поодаль, перешёптываясь. Лица бледные, в глазах застывший страх. Саливан слышал каждое слово, но не комментировал. Он чувствовал их нетерпение, желание скорее уйти отсюда.

– Здесь пусто, – сказал он наконец, поднимаясь. – Слишком пусто. Словно кто-то заранее знал, что мы будем искать.

И в этот момент к воротам подбежал гонец. Перехватывая дыхание, выпалил:

– Господин! Весть от короля. Он требует, чтобы дело было решено быстро. Город должен оставаться спокойным. Никаких слухов и паники.

Саливан посмотрел на тело, затем на пустую землю вокруг. В глазах мелькнуло что-то тяжёлое – понимание того,

что правда не лежит на поверхности.

– Быстро... – повторил он глухо. – Король всегда торопится. Но у смерти свои законы.

Он отвернулся, понимая, что ничего не найдёт здесь больше.

Вечер застал его вымотанным до предела. Тело ломило от усталости, мысли путались, но он всё равно держался прямо, возвращаясь домой через узкие улочки Лавандера. Город шумел где-то вдали – голоса торговцев, звон молотов, детский смех, – а здесь, ближе к окраинам, улицы были пусты и темны.

Он шёл, глядя по сторонам, когда вдруг ощутил – дыхание рядом. Нет, не дыхание... шёпот. Будто кто-то склонялся к самому уху и неразборчиво произносил какие-то слова. Он резко обернулся – и увидел лишь тьму.

Саливан прижал ладонь к рукояти шпаги и двинулся дальше. Шёпот исчез, но теперь стены казались иными: по их поверхности скользили тени. Узкие, вытянутые, похожие на волчьи силуэты. Они на миг оживали и тут же таяли, словно дразнили его.

Он остановился, выхватил шпагу. Металл блеснул в свете фонаря.

– Покажись, – произнёс он глухо, и собственный голос отозвался эхом.

Взгляд метался по переулкам, углам, крышам домов. И вдруг он заметил.

Издалека, из узкого переулка, две точки – ярко-красные, как угли в печи. Глаза. Они горели в темноте, неподвижные, словно ждали его.

Внутри всё сжалось, но он не отступил.

«Ты не уйдёшь», – сказал он себе.

Стиснув зубы, Саливан шагнул вперёд, держа шпагу наготове. Красные глаза растворились так внезапно, будто их и не было. Воздух вокруг стал холоднее, каждый вдох отдавался во рту металлическим привкусом.

Он остановился, вглядываясь в тьму. И тогда заметил фигуру.

В дальнем углу переулка, в полутьме, стоял мужчина. Свет редкого фонаря падал косо, вырывая лишь часть силуэта: плечо, руку, край лица. Остальное скрывалось в глубокой тени, так что невозможно было понять, кто он и что делает.

Саливан шагнул ближе. Тишина становилась вязкой. Он видел теперь отчётливее: мужчина стоял прямо у края, а за ним зияла пропасть – огромная, чёрная, казалось, весь переулочек внезапно обрывался в бездну, которой не должно было быть в городе.

Саливан замер.

Тень колыхнулась, и мужчина резко обернулся. Его лицо было мокрым от слёз, глаза воспалены и полны отчаяния. Он дышал тяжело, срываясь, словно каждое слово рвалось из глубины.

– Не подходи! – хрипло выкрикнул он. – Я не хочу больше жить.

Саливан остановился в нескольких шагах. Его ладонь всё ещё лежала на рукояти шпаги, но теперь он отпустил её и поднял руку ладонью вверх – жест спокойствия.

– Почему? – тихо спросил он. – Что с тобой, друг?

Мужчина горько усмехнулся, но эта усмешка тут же сломалась в очередном рыдании.

– Что со мной? Я пустота, вот что! Всю жизнь я только и делал, что работал, таскал камни, строил дома для других... А когда у меня ничего не осталось, когда силы кончились – всем оказалось плевать! Жена ушла, нашла богатого. Дети... дети зовут его отцом! – его голос сорвался на крик, и он прижал ладонь к лицу. – У меня нет никого. Ни семьи, ни будущего. Каждое утро я просыпаюсь, и всё повторяется: голод, холод, одиночество. И я думаю: зачем? Зачем ещё один день, если он такой же пустой?

Саливан шагнул ближе. Его лицо оставалось спокойным, но глаза были жёсткими, пронзительными.

– Ты правда думаешь, что твоё дыхание ничего не значит?

– А что оно значит?! – выкрикнул мужчина. – Никто меня не ждёт! Никому не нужен мой голос, мои руки, моё сердце. Если я уйду, мир даже не заметит.

Саливан смотрел на него пристально, продолжая говорить твёрдо, но без жестокости:

– Ошибаешься. Мир замечает всё. Ты – не камень на до-

роге, который можно обойти. Ты человек. Ты жив. А это значит, что твоя жизнь уже важна.

Мужчина мотнул головой, словно хотел отогнать эти слова.

– Важна? Кому? Когда я лежу голодный, когда никто не заглядывает в мой дом? Когда я работаю, а всё, что получаю, – лишь усталость? Я кричу, а никто не слышит. Если я сорвусь вниз, будет хоть один, кто заплачет?

Саливан замолчал. Его взгляд на миг потемнел. Перед внутренним взором мелькнуло лицо Мериэн, её слова: «Ты не спас моих детей». Губы сжались, но он заговорил снова, теперь тише, медленнее:

– Я каждую ночь вижу их. Тех, кого не успел спасти. Их лица, их крики. Я тоже думаю: если бы меня не было, может, они жили бы. И знаешь, что это значит? Что я тоже спрашиваю себя: кому я нужен? – он сделал шаг ближе. – Но если я уйду, я точно не спасу никого. А если останусь – хоть один человек будет жить. Хоть один ребёнок снова увидит рассвет.

Мужчина всхлипнул и опустил взгляд в пропасть.

– Я не такой, как ты. Ты сильный. А я... я пустой.

– Нет, – сказал Саливан резко, с той сталью в голосе, что будит даже мёртвых. – Ты живой. И это уже больше, чем ничего. Сильный – не тот, кто никогда не падает. Сильный – тот, кто встаёт, когда все кричат, что смысла нет.

Мужчина дрожал, пальцы его всё ещё цеплялись за ка-

мень у края.

– Но боль... она не кончается.

Саливан протянул ему руку.

– Она никогда не кончается. Но с каждым днём ты учишься дышать вместе с ней. Это и есть жизнь. Она не про счастье без конца, а про то, чтобы не предавать себя. Чтобы не позволять тьме решать за тебя, что всё кончено.

Мужчина посмотрел на него сквозь слёзы. Плечи поникли, дыхание стало тише. Он медленно вытянул руку – дрожащую, слабую – и вложил её в ладонь Саливана.

Тот крепко сжал её и рывком оттащил его от края. Мужчина упал на колени, закрыл лицо руками и разрыдался.

Саливан стоял рядом, тяжело дыша. Его голос был низким, но мягким:

– Запомни. Пока ты дышишь – у тебя есть шанс. А если шагнёшь вниз – отдашь его тому, кто никогда не жил. Не обесценивай то, что другим недоступно.

Саливан тихо вошёл в дом. В комнате царила мягкая тишина. Моралин спала на постели, свернувшись калачиком, её дыхание было ровным, почти детским. Рядом, у её ног, раскинулся Райан – тёплый клубок верности и спокойствия. Пёс поднял голову, посмотрел на хозяина и снова опустил морду, будто понимая: сейчас лучше не тревожить.

Саливан зажёг свечу, достал сигару и прикурил. Горький дым наполнил комнату, смешался с запахом воска и тихим шорохом ночи за окном. Он начал медленно ходить из угла в

угол, тяжело ступая по полу, как человек, от которого бегут собственные мысли, но догнать их невозможно.

В голове звучали голоса: крики погибших стражников, плач жителя у обрыва, обвиняющий взгляд Мериэн из сна. Всё это накладывалось друг на друга, превращаясь в хаос, в тихий хор тех, кого он не сумел спасти.

«Я говорю людям, что жизнь ценна. Но я сам?»

Он остановился у окна, выпустил дым в темноту. На миг показалось, что улица в ответ шепчет что-то невнятное, что ночь смеётся.

«Я убеждаю других держаться. Убеждаю их, что смерть – это предательство. Но разве я сам живу? Или просто делаю вид? Притворяюсь, что у меня есть цель, что всё это – долг, служба, расследования – что это и есть жизнь?»

Он снова зашагал по комнате, затягиваясь глубже, будто хотел задушить пустоту дымом.

«Жизнь – это дыхание, любовь, огонь в груди. А во мне что? Только привычка вставать по утрам и снова тянуть этот камень, как проклятый. Не я ли тот, кто уже умер, но ещё ходит по земле?»

В груди стало тяжело, но он не позволил себе остановиться. Он всегда был таким – не позволял себе слабости.

Саливан бросил окурок в глиняную чашу. Взглянул на Моралин и Райана. Они спали. Они живы.

И это – единственное, что пока удерживало его от ответа на собственный вопрос.

Утро встретило Саливана серым светом. Холодный туман обволакивал город, и шаги по мостовой отдавались глухо, будто весь Лавандер затаил дыхание. Король требовал результата, требовал ответа – и потому Саливан снова направился туда, где холоднее всего: в морг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.